

украинском и белорусском языках обозначало льва, притом отнюдь не эфемистически, и в качестве основного названия этого животного в устной народной речи,⁴¹ которое с течением времени все больше и больше вытеснялось из употребления церковно-книжным явля. Кроме того, словосочетание «злотый зверь» в разные времена и в разных местах употреблялось эфемистически для обозначения обитавших там самых злых хищников (например, волка, медведя, рыся и др.).

В отношении же частной проблемы настоящей работы разбразные и ней данные словарей и переводов доказывают, что «злотым зверем» в новгородском говоре XV в. называли льва и поэтому изображение зверя на новгородских государственных печатях следует рассматривать как изображение льва.

И. Г. ПОРФИРЬЕВ

НОВГОРОДСКАЯ «ВЕЧЕВАЯ» ПЕЧАТЬ

Эфрагистика не принадлежит к тем вспомогательным историческим дисциплинам, которые пользуются широкой популярностью. Ее материал, давно разработанный специалистами, редко попадает ученые издания и помещается на страницах общих журналов или даже учебников и учебных атласов истории.

Но одному из наивысших древнерусских эфрагистов в этом отношении повезло: больше других он постоянно воспроизводится в учебниках и учебных пособиях и не раз упоминался в журнальных и газетных статьях. Это так называемая печать Новгородской республики с изображением вечевой скамьи.

⁴¹ Гипотезу о том, что слова «злотый зверь» были несомненно народными названиями льва в Киевской Руси, высказали В. Ф. Миллер («О злотом звере...», стр. 17) и Н. В. Шарошкин («Златодревний зверь...», стр. 205). В пользу этой гипотезы можно добавить, что аналогичное народное метафорическое название льва существовало наряду с кельтским наименованием «голд» и древнерусским языке, но и в некоторых других языках северной части Европы. На частое название льва разными паронимичными сочетаниями «orgu dyu» в западнославянских средневековых текстах (доходило «двуухи зверь») упоминается в статье «Ловец» «Энциклопедии истории культуры скандинавского средневековья», там же приведено построенное по аналогичной словообразовательной модели финское народное название льва «jalorinta» (Kulturhistorisk leksikon for nordisk middelalder, b. XI, København, 1966, S. 165). Такое описательное название льва вошло в лексикон, и средние века были известны для языков народов этой части Европы, население которой первоначально могло узнать и львов лишь по устным рассказам бывалых людей.

Особое внимание к этой новгородской печати объясняется, конечно, давним интересом к истории и судьбе «вольничьего города», к демократическому строю вечевой республики, а в последнее время — общественным обсуждением проектов новгородского герба. В данной печати дано уместнейшее прямая связь с печатом укладом древнего Новгорода, а в ее изображении — чудом сохранившийся через века основной и наиболее яркий элемент вечевой республики — вечевая стенова с дельцами на ней посадническим девилом, также символом независимости.

Такое понимание печати было высказано еще в дореволюционной литературе,¹ в советское время оно было подробнее развито, научно обосновано² и стало общепризнанным. «Новгородская вечевая печать» (в несколько полной ее реконструкции) нашла отражение в научно-популярной литературе³ и в Очерках истории СССР.⁴

В основе концепции лежат определенные вечевой материал.

Это прежде всего большая Русская государственная печать, известная в подлинниках и в изображениях по разным предметам и в разном материале. На ней вокруг герба — печати Москвы — расположены гербы — печати бывших раздробленных русских земель, объединенных Москвою в единое государство, в том числе печати Новгорода. К шести дошедшим до нас сериям областных печатей гербов: на подлиннике Государственной печати Ивана IV, 1583 г., на зиньке трою Михаила Федоровича, на золотой тарелке Алексеем Михайловичем, на гербовом знамени его де, в рукописи Титулярника 1672 г. и в дневнике Корба 1698—1699 гг.⁵ — можно добавить изображение на «домино европейской работы», приписываемое Александру I.⁶ Все это памятники XVII в., кроме печати Грозного, относящейся к концу XVI в. Надо сказать, какая новгородская печать оказывается на ней в числе других печатей русских земель.

Известна дошедшая до нас в значительном количестве и при документах, и отдельно новгородские печати XVI и XVII вв. Нам приходится указывать на некоторые издания и печатан-

¹ П. Гусев. Символы власти в Великом Новгороде. Вестн. археологии и истории, вып. XXI, СПб., 1911, стр. 121—122.

² А. В. Арциховский. 1) Введение в археологию. М., 1946 (в следующие издания книги 1951, 1947, 1954 гг.); 2) Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1954, стр. 140; 3) Древнерусские областные гербы. Уч. зап. Московск. гос. ун-та, вып. 33, 1946, стр. 39 и сл.

³ В. Н. Бернадский. Государи Великий Новгород. СПб., 1936, стр. 66.

⁴ Очерки истории СССР, т. II (XIV—XV вв.). Изд. АН СССР, М., 1953, рис. на стр. 178.

⁵ А. В. Арциховский. Древнерусские областные гербы, стр. 64.

⁶ П. Пондаков. Указатель. Отделение средних веков Эрмитажа. 1891, стр. 299; Д. Леви. Оружие, приписываемое историческим личностям. Старые годы, 1907, IV (апрель), стр. 134 и V (май), стр. 166.

ные их экземпляры,⁷ и число их можно еще увеличить. Печати имеют два изучиваемых и входящих в исследование вида, которые условно можно бы назвать распространенным (полным) и сокращенным. Общее у них то, что на печатах того и другого вида содержится одинаковое изображение трехступенчатого сооружения — стенины — с лежащим на ней посохом и рыбами под ней; рисунка та, что на печати одного вида по сторонам стенины имеются фигуры двух зверей, на печати другого их нет. Тот и другой вид сосуществовали и одинаково принадлежали новгородским воеводам, московским наместникам конца XVI—XVII в. Хотя они и именовались печатями «Великого Новгорода», но в тексте грамот находим ясное обозначение того, что это «го судареныя» печати. На одной из наиболее древних, писанных в Великом Новгороде лета 7101 (1543) гецаря и 28 день», указано: «к сей внозной грамоте боярину и воевода князь Василий Иванович Шулекий Великого Новгорода государену печати приложила».⁸

Таким образом, для подтверждения теории о древней, восходящей к печолому периоду традиции «клеяма» печати с «печевой стениною» необходимо наличие хотя бы одного экземпляра ее, принадлежащего в тому времени, т. е. в XIV или по крайней мере к XV в.

В качестве именно такого памятника обычно приводится только так называемая «печать Толстого». Печать, вернее, рисунок с нее, опубликована более ста лет назад.⁹ За это время о ней писали М. Толстой,¹⁰ М. Полицкий,¹¹ П. Гусев,¹² А. Арциховский,¹³ автор этих строк¹⁴ и другие.

Рисунками авторами она по-разному датировалась. Впервые в научный обиход А. Лаксер в отношении датировки печати был наиболее корректен. Отметим, что печать ему известна только в отрывке XVI в., он осторожно высказал предположение, что она могла быть старше (по происхождению).¹⁵ Последующие авторы пожелали считаться не с фактом, указанным первоиздателем (сохранилась от XVI века на отрывках писем новгородских).

⁷ П. Е. Норффридов. Очерки памятников новгородской сфрагистики. Новгородской истор. сборник, вып. 8, Новгород, 1940, стр. 35—36.

⁸ Там же.

⁹ А. Лаксер. Русская геральдика. СПб., 1855, стр. 155.

¹⁰ М. Толстой. Символы и древности Великого Новгорода. М., 1902. Приложение V, стр. 16.

¹¹ М. Полицкий. Новгородские печати... Новгород, 1903, стр. 5 и др.

¹² П. Гусев. Символы власти в Великом Новгороде. Вестн. архивологии и истории, вып. XXI, стр. 121; отдельно: СПб., 1911, стр. 18.

¹³ А. В. Арциховский. 1) Древнерусские миниатюры, стр. 140; 2) Древнерусские областные гербы, стр. 49 и сл.

¹⁴ П. Е. Норффридов. Очерки памятников новгородской сфрагистики, стр. 35.

¹⁵ А. Лаксер. Русская геральдика, стр. 156.

а с его предположением (можно полагать, что она старинная), и прямо называют ее печатью XV в.: «от XV века уцелела печать, на которой изображена ступени печа и положенный на них посох»,¹⁶ «для Великого Новгорода символ власти в виде посоха-копья имеет подтверждение на печати XV века из собрания М. В. Толстого».¹⁷ В данные первоиздателя незаметно была внесена подмена, прочно вошедшая в научный обиход. Значение ее тем важнее, что ни один из позднейших авторов подлинника печати не видел, в нее пользовались одним и тем же опубликованным А. Лакнером рисунком, сделанным от руки.

Изменение первоначальной датировки «печати Толстого» позднейшими авторами в смысле отнесения ее к XV в. и к периоду самостоятельности Новгорода объявилось состоянием знаний о новгородской сфрагистике. Между тем печать не находит себе аналогий среди многочисленных шестистых теперь шестых новгородских печатей периода самостоятельности: она не энциклопедична, как те, а поскольку имеет не свойственную тем круговую надпись, притом поодию по формуле. В надписи значится титулатура не «господина Великого Новгорода», а «господарства Великого Новгорода» — тот самый титул, которого требовал и который получал от новгородских представителей Иван III, он обозначал признание великого князя Московского суверенным государем Новгородской земли. Напротив, полные аналогии «печати Толстого» имеются в указанных выше печатях новгородских воевод и наместников центрального московского правительства XVI в., также носовых, в ряд которых она и должна быть поставлена.

Братски схожий, персидско-тождественный, более сохранившийся экземпляр печати имеется в собрании печатей Государственного Эрмитажа — печать из коллекции П. И. Толстого, черновосковная, с точно таким же изображением трехступенчатой ступени и с полностью сохранившейся надписью по кругу — «печать господарства великого новгорода» (рис. 1).

Но если «печать Толстого» нельзя признать памятником периода самостоятельности Новгорода, то остается вопрос, не сохраняет ли она в своем качестве все же древнюю традицию новгородских печатей. В настоящее время, когда в старых и новых музейных собраниях, при раскопках Новгородской археологической экспедицией и при случайных работах найдены, изучены и опубли-

Рис. 1. Печать господарства Великого Новгорода, XVI в., черновосковная.

Собр. Гос. Эрмитажа, 3 2770.

¹⁶ М. Т о л с т о й. Символы и древности Великого Новгорода, стр. 16.

¹⁷ П. Г у с е в. Символы власти в Великом Новгороде, стр. 18.

ликованы десятки древних новгородских печатей,¹⁸ по-видимому, можно говорить, что и период государственного существования Новгорода, принятый называть печеным строем, среди печатей Новгорода этой печати не было.

И все же с воссозданием истинной датировки и должностной принадлежности апаментной печати с печеной степенью вопрос о ней не снимается. Вернее, он еще более осложняется.

Если содержащиеся на печати изображения степени и посоха были эмблемами республиканского Новгорода, символизировавшими его веченый строй, то как могло случиться, что центральная московская власть употребила или хотя бы допустила их для печати своего новгородского наместника. Хорошо известно, с какой тщательностью она уничтожала все следы суверенного существования объединенных земель. Уже в ультиматуме 1478 г. Иван III продиктовал Новгороду: «вечю (веченому, — *И. И.*) колоколу в отчине нашей Новгородче не быти, посаднику (разумеется, своему, — *И. И.*) не быти». Веченой колокол — символ республиканской вольности — был увезен в Москву. Позднее Иван IV еще жестче стирал остатки и отголоски новгородской самостоятельности. Почему же лица для таких ее символов, как веченая степень и жезл, было сделано исключение? Сохранение и данных условных эмблем, притом в столь важной области, как государственная печать, только потому, что они были привычны, явленное неслыханное, малопривычное, гребущее объяснение.

Но может ли ему послужить предлагаемое ниже?

Труднообъяснимое противоречие в действиях центральной власти снимается предположением, что ни степень, ни посох (жезл) не были собственно местными, новгородскими, тем более специально республиканскими символами.

В древнерусской символике они несли были символами и эмблемами власти вообще, в первую очередь княжеской и царской. За такое понимание этих символов говорит все шестички — словосице, вещественные, изобразительные.

Как обозначение реалии и символа власти слово «степень» в древнерусском употреблении не связано с одним только Новгородом и его посадниками.¹⁹ Если исключить его употребление в смысле просто лестницы, подножия и т. п., а брать только в значении должностного позывания, то оказывается, что оно относится вообще к представителям власти разного рода, светской и духовной, князьям и владыкам. Кажется, это слово не встречается и сочетания с прилагательным «веченая». Из латонских и актовых памятников широко известно название новгородских посадников «степенными». Но это и есть обозначение посадника, находящегося у власти, в отличие от «старых» посадников.

¹⁸ В. М. Янин. Новгородские посадники. М., 1962.

¹⁹ Н. П. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка во шведском языке, т. III. СПб., 1912, стр. 512—519.

В литературном и фольклорном употреблении она относится и к самим царям. Так, в «Валаамской беседе» — памятнике середины XVI в. — читаем о предстоящих грозных временах: «царие на своих степенех царских не возмогут держатися».²⁰

И это содержание слова, обозначающего символ и место реально княжеско-царской власти, подтверждается вещественными и изобразительными памятниками. В качестве одного из древнейших можно привести старинной литей бронзовый паугольник, содержащий

Рис. 2. Миниатюра (деталь) Кешигбергской летописи. л. 200 об.

Рис. 3. Миниатюра (деталь) лицевого Жития Бориса и Глеба, XV в.

Из собрания П. Дыхачева, мин. 21.

реальное изображение тверского князя в шапке, с посохом в руках, восседающего на трехступенчатой ступени.²¹

Большое число изображений, которое, видимо, должно быть истолковано таким же образом, находим в сериях древнерусских книжных миниатюр, начиная с Кешигбергской летописи.

Исследователь миниатюр Кешигбергской летописи А. В. Арциховский сделал интересное наблюдение: князья сидят на плоских сиденьях без спинок, которые он связал с выражением «княжеский стол».²² Но можно заметить, что часто они изображаются сидящими на ступенчатых возвышениях с характерными оконноподобными прорезами на торцах. Не позволительно ли эти ступенчатые

²⁰ Г. Н. М о н е т о в а. «Валаамская беседа» — памятник русской публицистики середины XVI века. М.—Л., 1958, Тексты, стр. 106.

²¹ М. В. Су з и н. Бронзовый барельеф XIII—XIV вв. КСИИМК, вып. XIV, 1947, стр. 142—143; П. П. В о р о н и н. Золотство Северо-Восточной Руси, т. II. М., 1962, стр. 415, рис. 211.

²² А. В. А р ц и х о в с к и й. Древнерусские миниатюры. . . , стр. 32.

возвышения связать с термином «степень»? В качестве образцов таких изображений можно указать миниатюры на листах 203 об., 206 об., 223 и др.²³ (рис. 2).

Традицию изображения княжеских сидений как ступенчатых сооружений, степеней, можно проследить и по другим сериям

Рис. 4. Миниатюра (деталь) из лицевого Жития Николая чудотворца, XVI в., л. 78 об.

древнерусских миниатюр. В Житии Бориса и Глеба, рукопись XV в. собрания П. П. Духачева, на таких ступенчатых возвышениях сидят князь Святополк, великий князь Ярослав — миниатюры 4, 11, 21²⁴ (рис. 3). Изображения, близко напоминающие русские «степени» (ступенчатые возвышения) и по значению, очевидно, сходные с ними, т. е. как княжеские и царские сидища, можно указать и в других древнерусских графических памятниках: Хронике XVI в. собрания Государственного Исторического музея, Житии Николая чудотворца XVI в.,²⁵ Строгановском лицевом иконописном подлиннике²⁶ (рис. 4).

Самый обычный художественно-графический материал по бытовым реалиям Древней Руси, как известно, содержится в огромном цикле

миниатюр Никоновской лицевой летописи. Среди десяти тысяч ее рисунков находим сотни изображений ступенчатых сооружений — степеней. Исследователь только одно из них считает несомненным изображением погородской почевой ступени — миниатюру I Остермановского тома, стр. 1374.²⁷

²³ Радвиняцкая или Гейнцбургская летопись. Изд. ОМДП, СХVIII. I. Фотохелиографское воспроизведение рукописи, 1902.

²⁴ П. П. Д у х а ч е в. Лицевое житие святых благоверных князей русских Бориса и Глеба. По рукописи конца XV столетия. СПб., 1907.

²⁵ Житие Николая чудотворца. Изд. ОМДП по рукописи XVI в., принадлежащей Московскому Публичному Румянцевскому музею. XXVIII. СПб., 1878.

²⁶ Строгановский иконописный лицевой подлинник. Изд. Литографии при Худож. Промышленном музее, М., 1869.

²⁷ А. В. А р ц и х о в е к и в. Древнерусские миниатюры. . . стр. 126.

Но вообще на рисунках, относящихся к истории Полгорода всех ее периодов, встречается много ступенчатых, несомненно должностных возвышений. Перечислить их здесь было бы невозможно. На них изображаются и князья, и посадники республиканского и московского времени, и неоднократно владыки. Иногда на рисунке видим одновременно два ступенчатых возвышения с сидящими на них представителями власти, судя по тексту, это объединены властью посадник и тынецкий (I Остермановский, стр. 32), или двух посадников, сидящих на одном возвышении —

Рис. 5. Миниатюра Никоновской летописи.
Шумиловский том, л. 554.

степени (Шумиловский, л. 707 об.). Но встречается изображение ступени как трибуны для вечевых ораторов.

Небезынтересно отметить, что и то же самое время и в тех же самых томах на таких же ступенчатых седальницах изображены цари, и даже иностранные (I Остермановский, стр. 558).

Особенно значительными представляются нам миниатюры Шумиловского тома (л. 554 и следующая), дающие наглядное изображение вместе со словесной эквилибрацией интересующего нас термина «степень» и связанного с ним термина «место» и применении к общерусскому позванию и великокняжескому церемониалу XVI в. Предмет, называемый «степенью», — принципиально все то же ступенчатое возвышение, а «место» — стоящее на нем седальце, условно трон. Миниатюры изображают сцены поставления на великое княжение Дмитрия, внука великого князя Ивана, и не оставляют сомнений в раскрытии обоих терминов в смысле писемной верховной власти. «Митрополит и князь великий вшед седоша на своих местах, а внук стал перед ними у места на высшей ступени на входи на место» (рис. 5).

Остается прибавить, что такое же понимание и толкование в древнерусской символике имел жезл (посох) — символ и эмблема власти вообще, а не укоместная, новгородская, тем более республиканская эмблема, как о том писал П. Л. Гусев.²⁸ Поэтому-то и миниатюрах Никоновской летописи он изображен несравненно большее число раз и в руках князей, царей, королей, чем в руках посадников; по подсчету исследователя миниатюр, по всем томам летописи в руках князей и царей — 1746 раз, в руках новгородских и псковских посадников — 20.²⁹ Поднятый в руках горожанина-новгородца жезл на миниатюре Лантевского тома (л. 762 об.), относящейся к раннему периоду петриш Повгорода, понимается как выражение торжества завоевания власти горожанами у феодалов.

Новгородской печати «со степенью», относящейся к петровому периоду, пока неизвестно. Не было ее тогда, когда о ней писал М. Толстой, П. Гусев и другие, не найдена она и за истечение сто лет, несмотря на колоссальное обогащение фонда новгородской сфрагистики, особенно в советское время. Крепнет убеждение, что она и не может найтись, поскольку такой государственной печати в древнем Новгороде не существовало. Та, что принималась за печать Великого Новгорода республиканского периода, является печатью новгородских наместников швед XVI—XVII вв.

Изображения степеней и жезла на печатях этого времени, по видимому, не могут быть признаны специально новгородскими эмблемами республиканского строя в силу традиции, оставшейся на новгородских печатях после того, как Новгородская земля стала частью Русского государства. С точки зрения центрального государственного правительства они должны были символизировать не республиканские права бывшей вольной земли, а восстановление в ней прав великокняжеской (царевой) власти, именно узурпированных.

Таким значением клейма знаменитой печати естественно всего объясняется непонятный факт, почему его эмблема — степеней и жезла — имело не смущали тонких московских политиков, могли оказаться в официальном употреблении на новой новгородской печати и вместе с нею занять место на общегосударственной русской печати.

²⁸ П. Гусев. Символы власти в Великом Новгороде. СПб., 1911, стр. 18.

²⁹ А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры. . . , стр. 126.